

УДК 13:168.522

DOI: 10.26565/2226-0994-2019-60-2

Маргарита Чернова

АРХЕОЛОГИЯ ЯЗЫКА МИШЕЛЯ ФУКО

Естественный язык играет основополагающую роль в познании и общении, но в современном информационном обществе язык все чаще используется как технология передачи данных. Человек в современном обществе находится под воздействием непрерывных потоков информации в профессиональной и повседневной жизни. Изучение проблемы власти языка над мышлением является значительным вкладом в понимание природы языка и его взаимосвязи с мышлением. В данной статье представлен анализ особенностей взглядов М. Фуко на проблему взаимоотношения языка и мышления. Автор применяет археологический подход М. Фуко и рассматривает его концепции в связи с идеями других французских мыслителей. В ходе анализа формулируется авторское видение фукольдьянской концепции власти и дискурса. В первой части статьи рассматривается понимание естественного языка как сложной открытой знаковой системы, которая находится во взаимодействии с окружающим миром и постоянно интегрирует в себя элементы культуры и творчества, с точки зрения философии и структурной лингвистики. Объясняется понимание современного языка как общественного явления, а также разделения языка на дискурсы, которые функционируют внутри языка и могут влиять на мышление говорящих. Во второй части проанализирована оригинальная методология изучения языка М. Фуко, которая позволяет выявить особенности исторического развития дискурса в социальном аспекте. Далее рассмотрены взгляды М. Фуко на роль языка в получении знания и формировании мышления, а также рассмотрено понимание отношений власти, которые выявляются философом в познавательной и речевой деятельности индивида. Представлена критика Ж. Бодрийяром фукольдьянской концепции власти и процесса развития языка в обществе. В заключении резюмируются проанализированные взгляды на власть, развитие языка и авторское видение фукольдьянского понимания языка.

Ключевые слова: язык, дискурс, власть, безмолвный договор.

Целью данной статьи является анализ позиции Мишеля Фуко относительно проблемы власти языка в современном обществе и выявления им природы взаимосвязи языка и мышления. Работы Фуко отличаются свойственной постструктуралистам «полифоничностью». Чтобы сохранить эту характерную черту его философских построений, их следует рассматривать, опираясь на работы других французских мыслителей XX в., с которыми творчество Фуко неразрывно связано. Применение элементов того же археологического подхода Фуко в данной статье позволит в некоторой степени сохранить интертекстуальность анализируемых работ. Особенности трактовки языка Мишелем Фуко связаны с пониманием языка Ф. де Соссюром, оказавшим заметное влияние на становление философской и методологической позиции Фуко. В предпринятом анализе концепции власти М. Фуко была учтена ее критика Ж. Бодрийяром, благодаря чему стало возможным выявить общее в содержании идей указанных французских мыслителей.

«Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, опубликованный его учениками в 1916 г., стал теоретической базой для научного исследования структуры языка и становления лингвистики. Помимо этого, в «Курсе» актуализируются проблемы, связанные с построением универсальных теорий естественных языков. В ходе теоретического обоснования языка как структуры Ф. де Соссюр обнаружил проблему взаимообусловленности языка и мышления, представив взаимосвязь языкового мышления и речи как диалектическое единство «внутренней» и «внешней» стороны языка. Ф. де Соссюр отмечает, что язык существует как своего рода *безмолвный договор* между

© Чернова М. И., 2019.

This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License 4.0.

говорящим субъектом и членами коллектива. Ни коллектив, ни индивид не выбирает, как говорить, но они обязаны *подчиняться* языку, как закону общества [Saussure, 1971, p. 104]. Тем не менее, в «Курсе общей лингвистики» оговаривается, что естественный язык плохо поддается структурированию, поскольку речь, в которой выявляется структура языка, представляет собой парадокс: «В каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любую минуту язык есть и живая деятельность, и продукт прошлого» [Saussure, 1971, p. 24]. Под «эволюцией» языка лингвист понимает способность речи творчески влиять на развитие языковых навыков, не только артикуляционных, но и смыслообразующих. Поэтому речь, как основную форму коммуникации, следует считать постоянным творческим процессом преобразования и приспособления языка к окружающему миру.

Философы и лингвисты XX в. (Э. Сэпир, Б. Уорф, Л. Витгенштейн) обратили внимание на то, что язык нигде не существует в «идеальном» виде, в каком он представляется логикам или структуралистам. Естественные языки постоянно контактируют друг с другом и обмениваются понятиями и элементами культуры. В речевой практике заимствованные элементы укрепляются в языке и также влияют на формирование мышления коллектива, и наравне со звуками и словами являются смыслообразующими компонентами языка и мышления. Кроме того, наличие профессиональных сфер применения языка разбивает единство «идеальной» языковой системы на множество подсистем, в рамках которых складывается свое мышление.

Каждая профессиональная сфера деятельности человека формирует свою собственную знаковую систему: язык науки, язык религии, язык художественной литературы. Современный человек буквально погружен в различные языковые системы одновременно. В эпоху глобализации и развития технологий коммуникации, которые способствуют созданию межкультурных и социальных контактов, умножение языковых систем происходит за более короткие периоды.

Начиная с середины XX в. наблюдается стремительный рост фиксации новых слов во всех сферах жизни. Особенно это касается научной сферы, где принято синтезировать свой опыт и знания в нововведенном термине. Достаточно обратить внимание на то, сколько за этот период сменилось «-измов» только в рамках французской философии: экзистенциализм, структурализм, постструктурализм, постмодернизм. Причем, каждый «-изм» включает взгляды отдельных авторов, у каждого из которых есть несколько введенных им терминов, которые синтезируют индивидуальный опыт их познания. Можно сказать, что каждый ученый говорит на своем собственном языке. Язык, как отмечал Ж. Делез, превращается в ризому – корневую систему без начала и конца – чистую синхронию, в которой не различить вечного [Deleuze, 1980]. Бесконечные переплетения и комбинации символов образуют новые значения, а любой текст превращается в поток отсылок к другим текстам, гипертекст. Язык современного человека становится все больше похожим на компьютерный код, который обрабатывает огромные массивы информации. Что же произошло в языке или в обществе, что «дом бытия» (М. Хайдеггер) превратился в лабиринт из чужих означающих? Если под метафорой *безмолвного договора* Ф. де Соссюр понимает тот момент в истории существования человека, когда естественный язык отделился от мышления и стал самостоятельной знаковой системой, то результатом какого договора являются языки наук, литературы, философии, появившиеся не так давно?

Исследуя язык в социально-историческом аспекте, Фуко разрабатывает своеобразную методологию его изучения: он анализирует язык как сложный, исторически обусловленный социальный конструкт, обладающий способностью формировать сознание. В своем анализе языка Фуко использовал термин «эпистема», который позже заменил более адекватным для его анализа термином «дискурсивной формации». Данными терминами Фуко описывает пересечение ментальности и речевой практики, раскрывая отношения внутри классической структурной дихотомии язык/речь [Foucault, 1969].

Различаемые в «Курсе» понятия «langue» (этнический язык), «langage» (способность понимать и говорить вообще) и «parole» (речь) Фуко объединяет в термин «дискурс». В ходе исследования он выявляет причины разделения языка на дискурсы, а также природу изменений, которые происходят в языке XX в., а именно информатизации смысла и десемантизации слова. Философ считает, что причина, по которой человек оказывается во власти «горизонтального» языка, коренится не в особенностях современного общества, а в самом понимании власти и освобождения. Изменение языка, наблюдаемое в XX в., по Фуко, происходило плавно, и похожие изменения он находит на других исторических этапах развития языка.

Например, в работе «Слова и вещи» Фуко анализирует европейский научный дискурс посредством анализа речевых и текстовых практик данной сферы и объединяет преобразования научного языка в три формации: ренессансную, классическую и современную. В дискурсе Ренессанса, по Фуко, «сходство есть столь же форма знаков, сколь и их содержание» [Foucault, 1966, p. 57]. В классическую эпоху в научном дискурсе происходит смещение в сторону рационализма как приоритетного способа познания: связь знаков с реальными вещами подвергается проверке разумом. Дискурс переходит на метауровень, в котором совершается попытка выявления связей между словами и вещами, более глубоких, чем схожесть. В понимании Фуко в научном дискурсе классической эпохи появляется идея «прогресса» как постепенного освобождения от незнания посредством накопления знания в языке. Классический опыт языка сводится к «суверенному акту именованию», к поиску Имени, которое поглотит весь путь к нему и оправдает знание. Смысл классических высказываний состоит в «достижении имени, всегда грозного, так как оно убивает саму возможность говорить» [Foucault, 1966, p. 133]. Следующее смещение дискурса, выявленное философом, происходит в начале XIX в., когда слова изолировались от того, что они представляют и, таким образом, язык стал оторванной от реальности системой [Foucault, 1966]. Научный дискурс снова перешел на другой уровень абстракции. По мнению Фуко, на этом этапе язык отрывается от классической репрезентации мысли, слова «рассыпаются» на множество значений, связь которых с вещами требует раскрытия. Научный дискурс в «Словах и вещах» обрисовывает три витка спирали, в которых язык движется путем поиска знаний, выражаемых в языке. Но каждый виток функционирования дискурса не замыкается окончательно в круг, поиск остается незавершённым, предполагая некий недосказанный «остаток».

В этой «спиральной» метафоре Фуко попытался представить понимание и познание как процесс обращения слов в вещи и вещей в слова, а также осознание того, что истинное знание не дается человеку «ни в вещах, ни в словах» [Автономова, 1994, с. 26]. Каждое смещение движения дискурсивной формации – это взгляд на невысказанное, на то, что не дается рациональному познанию, будь то бессознательное или мистическое. Сколько бы полным не было знание, выраженное в дискурсе, положение языка неизменно: он знает о человеке больше, чем человек о нем. Когда на каждом витке спирали вырисовывается замыкание формации, мысль перенаправляется «загадочным событием» в новом направлении. Язык как будто уклоняется от неудобного, очень личного вопроса о собственном бытии.

Тем не менее, Фуко в «Археологии знания» объяснял, что описание функционирования дискурса в разные эпохи не претендует на полное описание или нахождение основных характеристик ментальности и ее языковых выражений. При помощи анализа речевых и текстовых практик генерализация или экстраполяция определенного дискурса в масштаб мировоззрения, по Фуко, невозможна. Мыслитель пытался изобразить язык в синхронии как ризому, в которой функционирует множество дискурсов, объединяющихся в сеть, подобную нейронной. Каждый дискурс, каждая описанная конфигурация – это «не отдельная наука, отдельная рациональность, отдельная ментальность или отдельная культура; это переплетение интерпозитивностей» [Foucault, 1969, p. 208]. Наконец, следует заметить, что

в данном случае Фуко не интересуется выявление каких-то универсальных тенденций сознания определенного социума или описание собственного видения исторического бытия языка. Для его анализа важна сама практика речи без учета критериев, которые бы относили высказывания к сознательной деятельности субъекта. То есть, анализ дискурса призван не объединить, а рассеять дискурсы и обнаружить возможные причины, которые «перенаправляют» движение на уровне дискурсивной формации. Этим пояснением Фуко дает понять, что археологический метод не исходит из языка как трансцендентальной сущности, а наоборот, выявляет взаимосвязь между отдельными элементами, которые формируют язык [Foucault, 1969, p. 198, 220]. Таким образом, Фуко не считает причиной смещения и изменений в языке ни «дух народа» (В. фон Гумбольдт), ни трансцендентальный мистический смысл [Foucault, 1969]. Его больше интересует практика освобождения, или «выговаривания» мыслей.

Освобождение от незнания в научном дискурсе демонстрируется как борьба против обнаруживаемой в дискурсе власти незнания. Классический дискурс в этом отношении демонстрирует, как в обществе происходит попытка освобождения от власти невежества за счет осознания, которое необходимо вербализировать. В итоге не происходит ни освобождения, ни осознания, потому что власть невежества – это только обратная сторона власти знания. Познание незнания, к которому стремятся высказывания в научном дискурсе путем вербализации, может осуществляться только на языке знания. Сами субъектно-объектные отношения в словосочетании «познание незнания» предполагают говорение в первую очередь как иерархическую формулу «*что* (знание) *чего* (незнания)». Для того, чтобы говорить об опыте познания, дискурс классической эпохи строится на языке знания. Следовательно, сначала необходимо признать, что невозможно полноценно говорить о незнании: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (Л. Витгенштейн). Перевод незнания на язык знания, как перевод английской литературы на китайский, отображает только часть целого. Все, что не было сказано, в конце развития каждой дискурсивной формации у Фуко и понимается под «остатком», который позволяет языку знания выжить за счет противопоставления себя языку-молчанию незнания.

Может показаться, что Фуко говорит в обычных терминах диалектики: знание противостоит незнанию, а в результате их «борьбы» рождается «истина». Но при этом упускается из виду то, что речь идет не о знании и незнании, а о языке знания и языке незнания. отождествление языка знания со знанием не позволяло бы рассмотреть еще одну иерархическую формулу: *что* (язык) *чего* (знания). Язык знания и язык незнания представляют собой довольно слабое противостояние, поскольку и то, и другое – только знаки, имеющие сходства с тем, что они означают. Различие, которое классическая мысль привыкла искать во всех вещах, на самом деле указывает не на противоположность, а на их взаимозависимость. Противостояние знания и незнания кажется более реальным, потому что оно обращает взгляд человека на то, что происходит в обществе, по «горизонтали». Но Фуко обращает внимание на знак, предшествующий знанию, который в свою очередь и определяет то, что вообще может происходить. Этим знаком является не менее реальное отношение *власти*, которое задает импульс всякого рода комбинациям символов (противопоставление, разъединение, объединение и т. п.).

То есть для того, чтобы создать незнание как объект изучения, дискурс знания отделяет от себя дискурс незнания. Разрыв естественного языка на части и установление одной из них как истинной представляет дискурс науки как результат сознательного умолчания необъяснимого на языке, принимаемом за истинный. *Безмолвный договор* представляется Фуко не как соглашение членов коллектива, а как «насилие, которое мы совершаем над вещами» [Foucault, 1970]. Однако применение власти, по Фуко, нельзя характеризовать как явление негативное, потому что власть способна не только подавлять и навязывать, но также формировать и производить.

Власть, по Фуко, виступає як «множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации» [Foucault, 1976, pp. 121–122]. Ее не следует отождествлять или привязывать к каким-либо социальным институтам, юридическим, правовым, общественным нормам или законам. Власть, осуществляемая в языке, формирует дискурсы, в которых задаются определенные правила того, о чем можно или нужно говорить, а о чем нельзя или бесполезно. Дискурсы, в свою очередь, формируют отношение к власти, которая в них осуществляется. Власть функционирует в обществе как символический цикл переработки знаков. Язык под импульсом власти буквально кодирует и декодирует значения, вырабатываемые обществом для общества. В работе «Надзирать и наказывать» Фуко, критикуя процветающий капитализм, приводит интересный пример символизации и ресимволизации в формировании дискурса законопослушания XVIII в.: преступление воспринимается как обратная сторона наказания до тех пор, пока наказание выявляется публично. Так, общество может самостоятельно декодировать «скрытое» значение преступления и получить знак в виде страха наказания. Если наказание остается нераскодированным, речевые практики сеют в обществе сомнения во власти закона и могут объединить народ против властных институтов или против идеи власти [Foucault, 1975, p. 131]. В речевой практике сомнения во власти, по Фуко, зарождается сопротивление, которое, по сути, является новой властью. Нераскодированные преступления, по мнению философа, выделились в литературный жанр детективного романа, который зародился в устных прославлениях хитрости преступников [Foucault, 1975, p. 72].

Ж. Бодрийяр, критикуя концепцию власти Фуко, пишет, что его механизм власти по-прежнему работает по принципу освобождения от того, что скрыто [Baudrillard, 1977]. Но освобождение невозможно, ведь не от чего освобождаться, потому что такая концепция власти не подразумевает ни накопления, ни подавления. Все, что власть «освобождает», все виды материализованной энергии преломляются и искажаются в реальности. Такова судьба «всех великих референтов», пишет Ж. Бодрийяр: секса, низведенного до порнографии, веры – до смерти Бога, политической власти – до фашизма. Все растворяется, обращаясь в свою противоположность, и остается только миф о сексе, вере и власти в виде символов или симулякров. Символы, приходящие на место означаемым, уже не относятся к реальности. Все, что порождается культурой, по Ж. Бодрийяру, не бессмертно. Поэтому концепция власти тоже должна закончиться смертью власти. Как только власть идентифицируется, как только она раскрывает свою тайну – она обретает свою смерть, самоликвидируется и превращается в симулякр [Baudrillard, 2007].

Таким образом, сложно не согласиться с Ж. Бодрийяром. Все, что явлено – только символ, бесконечно похожий на что-то, чего в действительности может и не быть. Все, что сказано, поглощается языком и может быть воскрешено только памятью о сказанном. М. Фуко изображает язык как театр, в котором разыгрывается преступление и наказание. Слова появляются на сцене, отрываясь от вещей, а человек разумный наказывает их за то, что они так не похожи на вещи. На сцене появляется освобождение, революция, эмансипация, инсценируя смерть старой власти. Власть живых слов прекращается после их смерти и превращается во власть симулякров.

Однако Ж. Бодрийяр не говорит о продолжении спектакля, о котором говорит Фуко: не все было сказано, что-то осталось. Что-то не было декодировано, смысл какого-то преступления был упущен. Нельзя однозначно сказать, что власть в современном обществе превратилась в симулякр, ведь власть, растворяясь, снова возникает в речи и языке. Фукольдьянская власть задает импульс, который побуждает и М. Фуко, и Ж. Бодрийяра «стряхнуть» с языка старые значения, декодировать множества смыслообразующих комбинаций. Но и М. Фуко, и Ж. Бодрийяр говорят об этом каждый на своем языке. Наверное, о безмолвном договоре такого рода говорил Ф. де Соссюр.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Автономова Н. С. Предисловие. Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук* / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: А-сад, 1994. С. 7–32.
- Ушакин С. А. После модернизма: язык власти или власть языка. *Общественные науки и современность*. 1996. № 5. С. 130–141.
- Baudrillard J. Forget Foucault / Nicole Dufresne, Transl. *Forget Foucault*. Los Angeles: Semiotext(e), 2007. pp. 27–67.
- Castells M. *Communication Power*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2009. 571 p.
- Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme et schizophrénie. Mille plateaux*. Paris: Les éditions de minuit, 1980. 645 p.
- Foucault M. About the Beginning of the Hermeneutics of the Self: Two Lectures at Dartmouth. *Political Theory*. 1993. Vol. 21. № 2. pp. 198–227.
- Foucault M. *Histoire de la folie à l'âge classique. Folie et déraison*. Paris: Éditions Gallimard, 1972. 583 p.
- Foucault M. *Histoire de la sexualité. La volonté de savoir*. Paris: Éditions Gallimard, 1976. 224 p.
- Foucault M. *L'Archéologie du savoir*. Paris: Éditions Gallimard, 1969. 288 p.
- Foucault M. *Les mots et les choses: une archéologie des sciences humaines*. Paris: Éditions Gallimard, 1966. 405 p.
- Foucault M. L'Ordre du discours. La leçon inaugurale au Collège de France [Electronic resource]. 1970. URL: <http://1libertaire.free.fr/Foucault64.html>.
- Foucault M. *Surveiller et punir. Naissance de la prison*. Paris: Éditions Gallimard, 1975. 328 p.
- Heidegger M., Krell D. F. *Basic Writings: from Being and Time (1927) to The Task of Thinking (1964)* / Rev. and expanded ed. San Francisco, California: HarperSanFrancisco, 1993. 452 p.
- Saussure F. de. *Cours de linguistique générale* Paris: Payot, 1971. 331 p.
- Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus* [Electronic resource] / C. K. Ogden Transl. London: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1922. URL: <http://writing.upenn.edu/library/Wittgenstein-Tractatus.pdf>.

Чернова Маргарита Игоревна

аспирантка, кафедра філософії, культурології та інформаційної діяльності
Восточноукраїнський національний університет імені В. Даля
пр. Центральний 59-а, Северодонецьк, 93406
E-mail: rita.chernova.rita@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0229-6143>

Статья поступила в редакцию: 27.02.2019

Утверждена к печати: 29.03.2019

АРХЕОЛОГІЯ МОВИ МІШЕЛЯ ФУКО

Чернова Маргарита Ігорівна

аспірантка, кафедра філософії, культурології та інформаційної діяльності
Східноукраїнський національний університет імені В. Даля
пр. Центральний 59-а, Северодонецьк, 93406
E-mail: rita.chernova.rita@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0229-6143>

Природна мова відіграє основоположну роль в пізнанні та спілкуванні, але в сучасному інформаційному суспільстві мова все частіше використовується як технологія передачі даних.

Людина в сучасному суспільстві знаходиться під впливом безперервних потоків інформації у професійному та повсякденному житті. Вивчення проблеми влади мови над мисленням є значним внеском у розуміння природи мови та його взаємозв'язку з мисленням. У даній статті представлено аналіз особливостей поглядів М. Фуко на проблему взаємозв'язку мови і мислення. Автор застосовує археологічний підхід М. Фуко та розглядає його концепції у зв'язку з ідеями інших французьких мислителів. В ході аналізу формулюється авторське бачення фукіанської концепції влади та дискурсу. У першій частині статті розглядається розуміння природної мови як складної відкритої знакової системи, яка знаходиться у взаємодії з навколишнім світом і постійно інтегрує в себе елементи культури й творчості, з погляду філософії та структурної лінгвістики. Пояснюється розуміння сучасної мови як суспільного явища, а також поділу мови на окремі дискурси, які функціонують у лоні мови та можуть впливати на мислення мовців. У другій частині проаналізована оригінальна методологія вивчення мови М. Фуко, яка дозволяє виявити особливості історичного розвитку дискурсу в соціальному аспекті. Далі виявляється погляд М. Фуко на роль мови в отриманні знання та формуванні мислення, а також розглянуто розуміння відносин влади, які виявляються філософом у пізнавальній та мовленнєвій діяльності індивіда. Представлена критика Ж. Бодрійяра фукіанської концепції влади та процесу розвитку мови в суспільстві. У висновку резюмуються проаналізовані погляди на владу, розвиток мови та авторське бачення фукіанського поняття мови.

Ключові слова: мова, дискурс, влада, безмовний договір.

Стаття надійшла до редакції: 27.02.2019

Схвалено до друку: 29.03.2019

MICHEL FOUCAULT'S ARCHAEOLOGY OF LANGUAGE

Chernova Margaryta I.

PhD student, Department of Philosophy, Culturology and Information Activity

Volodymyr Dahl East Ukrainian National University

59-a, Tsentralnyi av., 93406, Severodonetsk, Ukraine

E-mail: rita.chernova.rita@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0229-6143>

ABSTRACT

Natural language plays a fundamental role in cognition and communication, but in the modern information society, language is increasingly used as a data transmission technology. The study of the problem of language power over thinking is a significant contribution to understanding the nature of language and its relationship with thinking. This article presents an analysis of the peculiarities of M. Foucault's views on the problem of relationship between language and thinking. The author applies the elements of Foucault's archaeological approach and studies his concepts in connection with the ideas of other French thinkers. During the analysis, the author formulates her vision of the concepts of power and discourse. The first part of the article considers the understanding of natural language as a complex open sign system that interacts with the outside world and constantly accumulates elements of culture and creativity, from the point of view of philosophy and structural linguistics. The understanding of the division of language into separate discourses is explained. The presentation of the original methodology of Foucault's language research explains what makes it possible to reveal the peculiarities of the historical development of discourse in the social aspect. Further, Foucault's views on the role of language in obtaining knowledge and the formation of thinking are reflected, as well as an understanding of the relations of power that the philosopher notices in mental and speech activity of individuals. There follows J. Baudrillard's criticism of Foucauldian concept of power and the process of language development in society. In conclusion, the author summarizes the analyzed views on power, development of language and thinking as well as Foucault's understanding of language.

Keywords: language, discourse, power, mute consent.

REFERENCES

- Avtonomova, N. S. (1994). Preface. In Foucault, M. *The Order of Things: Archaeology of the Human Sciences* (pp. 7–32). (V. P. Vizgin, N. S. Avtonomova, Trans.). St. Petersburg: A-cad. (In Russian).
- Baudrillard, J. (2007). *Forget Foucault* (N. Dufresne, Trans.). In *Forget Foucault* (pp. 27–67). Los Angeles: Semiotext(e). (Original work published 1977).
- Castells, M. (2009). *Communication Power*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Deleuze, G., & Guattari, F. (1980). *Capitalisme et schizophrénie. Mille plateaux*. Paris: Les éditions de minuit.
- Foucault, M. (1993). About the Beginning of the Hermeneutics of the Self: Two Lectures at Dartmouth. *Political Theory*, 2 (21), 198–227.
- Foucault, M. (1972). *Histoire de la folie à l'âge classique. Folie et déraison*. Paris: Éditions Gallimard.
- Foucault, M. (1976). *Histoire de la sexualité. La volonté de savoir*. Paris: Éditions Gallimard.
- Foucault, M. (1969). *L'archéologie du savoir*. Paris: Éditions Gallimard.
- Foucault, M. (1966). *Les mots et les choses: une archéologie des sciences humaines*. Paris: Éditions Gallimard.
- Foucault, M. (1970). *L'Ordre du discours*. La leçon inaugurale au Collège de France. Retrieved from <http://1libertaire.free.fr/Foucault64.html>.
- Foucault, M. (1975). *Surveiller et punir. Naissance de la prison*. Paris: Éditions Gallimard.
- Heidegger, M., & Krell, D. F. (1993). *Basic writings: from Being and Time (1927) to The Task of Thinking (1964)*. (Rev. and Expanded ed.). San Francisco, California: HarperSanFrancisco.
- Saussure, F. de (1971). *Cours de linguistique générale*. Paris: Payot. (Original work published 1916).
- Ushakin, S. A. (1996). After the modernism: language of power or power of language. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost – Social studies and modernity*, 5, 130–141. (In Russian).
- Wittgenstein, L. (1922). *Tractatus Logico-Philosophicus*. (C. K. Ogden, Trans.). London: Kegan Paul, Trench, Trubner. Retrieved from: <http://writing.upenn.edu/library/Wittgenstein-Tractatus.pdf>. (Original work published 1921).

Article arrived: 27.02.2019

Accepted: 29.03.2019